

graffiti

Р Ирэн Роздобудько

граффити

*Сделай
это
нежно*

Одни сутки из жизни Лии Н.

Лия спала плохо. Точнее — плохо засыпала.

Ведь из кухни до нее доносились голоса мамы и бабушки. И то, что она услышала, заставило ее затрепетать всем своим семилетним тельцем, скорее похожим на невесомое тельце птицы.

— Завтра оставим их одних, — говорила бабушка, — это будет хороший воспитательный момент. Я поеду к сестре. Ты можешь навестить родителей.

Слово бабушки всегда было законом.

— А это не слишком долго — на сутки? — услышала Лия неуверенный голос матери. — А вдруг — что-нибудь?..

— Ну что — «что-нибудь»? — Лия даже представила, как бабушка вскинула брови. — Никаких «что-нибудь»! Ответственность за ребенка выше всяких что-нибудь! Вот увидишь.

Потом они стали говорить о том, что приготовить на завтрашнее утро — плов или жареную картошку. Но Лия уже знала — самое главное решено и обсуждению не подлежит.

И поэтому ей надо собрать все свое мужество и всю хитрость, чтобы ни единым движением не выдать свое раздражение, свое отчаяние, свое сопротивление, а главное — страх.

Она же — ребенок! А у ребенка, как известно, не может быть никаких подобных чувств. Ребенок — это веселый щенок, прыгающий вверх за конфеткой, это — двадцать (или больше)

килограммов радости, это миллион забавных «почему», которые так смешат взрослых! Это — милая картавость, зеленка на сбитых коленях, вечные «купи» и «хочу». Это мгновенные слезы, которые высыхают, как только в руке оказывается мороженое. Это — «ложка — за маму, ложка — за папу!»...

О! На этом фоне Лии трудно объяснить (ведь она еще не достаточно хорошо владеет искусством речи, чтобы уметь выразить мысли), что ей очень много лет и она пытается вести себя так, как ее ровесники, только потому, чтобы ничем не выдать своего истинного возраста. Не напугать тем самым маму, не смутить бабушку, а главное — не подвести отца, который знает то же, что и Лия.

Если бы Лия умела выразить то, о чем думает, если бы была уверена, что ей поверят, она бы вышла на кухню в ночной рубашке и сказала примерно следующее... Вы — глупые, хоть я и люблю вас. Неужели вы думаете, что я могу иметь хоть какое-то влияние на ваш взрослый мир? Вы — большие, сильные и умные, так зачем выставлять меня, как буфер (это слово Лия выучила намного позже), между своим мнимым спокойствием, которое продлится сутки, и моим отчаянием, которое после этих суток поселится во мне навсегда!

Конечно, она этого не могла сказать...

На следующий день рано утром мама и бабушка торжественно сообщили ей и папе, что отправляются в разные концы города — «по неотложным делам».

— Ну, как, герои, останетесь на хозяйстве? — игриво сказала бабушка. — Не подведете?

Она до сих пор считала папу своим маленьким сыночком.

Лия молча кивнула, глядя бабушке прямо в глаза.

Она еще надеялась, что ее взгляд может изменить ход событий и мама с бабушкой поймут, что сутки — это уж слишком...

Но папа весело кивнул в ответ:

— А то! — Обнял Лию за плечи: — Мы вместе — ого-го! Мама дала последние наставления — где что лежит и что нужно сделать на завтрак: подогреть жареную картошку.

Потом за ними закрылась дверь, и Лия побежала в постель — досматривать последний сон.

Сон был долгим.

Но сквозь него Лия слышала, как дважды тихо приоткрылась входная дверь: папа ушел и вернулся.

Когда Лия вышла на кухню, он стоял у плиты и лил на сковородку с жареной картошкой воду из чайника.

Лия знала, что так не делают, что жареную картошку разогревают без добавления воды, но по тому, что папа не повернулся к ней, сразу поняла: началось!

Если бы он повернулся к ней и улыбнулся: «Ну, что будем делать, хозяйюшка?» — она бы с удовольствием забрала из его рук чайник и ответила: «Воду — не надо! На воде картошку варят, а в жареную — ни капли!»

И они бы рассмеялись.

Но Лия прекрасно понимала, что сейчас папе не до шуток, он прекрасно знает о бессмысленности своих действий, а воду льет только потому... потому что, как говорила бабушка, — «не в настроении».

Бабушка всегда находила точные формулировки для папиного состояния: «папа переутомился», «папа перенервничал на работе», «папа заболел».

Когда такое случалось, все ходили по дому на цыпочках и говорили тихими голосами, будто и сами были больны...

Солнечные кругляшки картошки, перекипев в воде, превратились в месиво.

Но Лия мужественно съела все, что папа положил в ее тарелку. Мужественно и быстро, ведь она видела: он не ест

потому, что ждет, чтобы она быстрее ушла к себе — играть в свои детские игры.

И тогда Лия услышит (услышит всей кожей!), как тихо скрипнет дверца кухонного шкафчика, как чуть слышно звякнет стекло — дважды или трижды, — а потом вилка неуверенно застучит по тарелке. А если она, эта непослушная вилка, «стратит» — то есть не наколет картофелину на свои редкие зубцы, — полетит на пол или в стену. А папа скажет что-то такое, чего никогда не сказал бы в присутствии Лии. Хотя Лия давно знает значение многих взрослых слов. Только старательно скрывает это.

Прислушиваясь к звукам, Лия делала вид, что с удовольствием рисует. Даже язык намеренно высунула, хотя она никогда не рисовала утром и не было сегодня на то никакого желания. Она рисовала цветы. Каждый цветок — это зашифрованный час! Цветков до следующего утра было двадцать четыре. Целый сад! И Лия решила, что каждый час будет зачеркивать один цветок, пока не выкосит весь этот сад!

— Рисуешь? — заглянул в комнату папа.

Его лицо было веселым.

— Может, пойдем прогуляемся?

Лия тоже посмотрела на него веселым беззаботным взглядом. Она давно выработала его, чтобы казаться маленькой. И кивнула.

Послушно и быстро стала собираться — шорты, футболка, сандалии. Только носков не нашла. И не было на то времени, ведь папа уже стоял на пороге и с недовольным видом крутил нижний замок.

— Чертовщина какая-то, — сказал он.

И Лия, отстранив его руку, повернула верхний.

Дверь открылась.

Они вышли на улицу.

Гулять с папой давно вошло в ее обязанности. Хотя мама с бабушкой думали наоборот!

Они часто отправляли их пройтись, «ведь ребенок хочет на качели». И Лия покорно кивала головой, хотя на качели ей совсем, ну совсем-пресовсем не хотелось! А если хотелось, то она бежала туда сама и смело взлетала до небес, без всякого взрослого контроля над своими действиями.

Мама и бабушка не знали, что маршрут, намеченный ими для нее и папы, никогда не проходил через детские площадки и любую прочую ерунду. И Лия всегда удивлялась, что они этого как бы не замечают!

Папа взял Лию за руку.

Лия знала, что таким образом он будет держаться прямее и увереннее, как любой другой отец, который вывел ребенка на прогулку. Они сели в троллейбус и поехали в центральный гастроном. Так было всегда.

Лия знала, что, проходя мимо вывески, папа улыбнется ей и спросит:

— Хочешь сидро или молочный коктейль?

Тут Лия должна весело улыбнуться в ответ и сказать:

— Коктейль!

И тогда папа пошутит:

— Ну, ты меня совсем разоришь на этих коктейлях! Что ж — воля твоя! Ударим по коктейлям!

И все это — «пароль-отзыв» — будет выглядеть так, будто Лия сама захотела зайти в гастроном.

Так и сейчас.

Папа оставил ее у высокого столика, а сам пошел в очередь. Вернулся, неся в руках два стакана — с белым и красным.

— Пей свой коктейль, сладкоежка, — сказал он и добавил: — А я — виноградный сок!

Лия молча кивнула и сунула нос в стакан с белой пеной.

Краем глаза она следила, как быстро, со вкусом, папа пьет свой сок.

— Ну и жара сегодня, — сказал он, вытирая рот ладонью. — Хочешь еще?

Лия энергично затрясла головой и взяла папу за руку, мол, пошли.

— А я хочу! Придется тебе подождать своего папу! — сказал он и снова встал в очередь.

На улице Лия сказала:

— Поехали домой! — и крепче сжала его руку.

Вот где начинается настоящая мука — ехать в троллейбусе!

Лии казалось, что все на них смотрят. Особенно после того, как папа, дав кондукторше вдвое больше денег (Лия точно заметила — вдвое!), похлопал ее по щеке и ласково сказал: «Лапа!..»

А кондуктор повела носом в воздухе, фукнула и, отстранив его руку, сказала: «Смотри, ребенка не потеряй, ”лапа”», — и, укоризненно покачивая головой, прошла дальше.

Лии стало обидно за папу, за то, что женщина так явно фукнула ему в лицо.

За то, что он сказал это домашнее слово, которое предназначено только ей и маме.

За то, что от него неприятно пахнет, и все это слышат, а еще за себя — прикованной к этой маленькой детской Голгофе. Конечно, и этого понятия Лия тогда еще не знала, но отчетливо чувствовала, что есть такое место, где ты стоишь голый перед огромной толпой возбужденных этим зрелищем людей.

Все это было невыносимо. Ведь тетеньки в троллейбусе начали оглядываться на них и качать головами. Одна даже незаметно погладила ее по голове, и неблагодарная Лия, оскалась, как дикая кошка, сбросила ее руку, мол, в жалости не нуждаюсь!

Содержание

Странные взрослые

Одни сутки из жизни Лии Н.	5
Елизавета решает умереть	18
Кримпленовое пальто с перламутровыми пуговицами	24
Зеленый кит в синюю полосу	31
Сладкое молоко	36

Наука на будущее

Скайп	41
Наука на будущее	57
Не такая, как все...	67
Фея картофельной шелухи	70
Рождественская сказка	75
«Худболист»	81
Маршрутка. <i>(Трагикомическая фантасмагория наших дней)</i>	94

Во всем виноват Кортасар

Сделай это нежно	117
Я возвращаюсь!	134

Странный случай с Владимиром	152
Любовница	163
Во всем виноват Кортасар. <i>(Несколько мейлов)</i>	169

«Кто любит меня — за мной!»

Каперна проиграла... ..	177
Словно магнит... ..	189
Последняя хозяйка «Маленького Версаля»	211
Жанна из Домреми. <i>(Дань автора кумиру своей юности)</i>	230